

Пугачёв А.Н.

*доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент*

ОБЩЕСОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ КОНСТИТУЦИИ

Функции конституции выражают наиболее существенные, главные черты права конкретного общества на определенном этапе его развития. Поэтому при выявлении функций конституции следует учитывать их тесную связь с социальным назначением и сущностью права: урегулировать и закрепить общественные отношения, обеспечить им надлежащую охрану и защиту.

В этом проявляется *общесоциальная функция конституции*, и здесь представляет интерес трактовка социальной функции юридического документа К. В. Каргина [1, с. 50]. Интерпретируя сказанное автором в преломлении на конституцию, отметим следующее. Основной закон представляет собой социально значимый объект, так как порожден социальной потребностью. Он проводит в жизнь важнейшие социальные нужды общества в целом, коллективов и отдельных индивидов. «Современная конституция – это социальная конституция, сохраняющая свою нормативную роль как верховного инструмента правового регулирования», – утверждают авторы [2, с. 6], предлагающие базовые индикаторы вызревающей модели современной конституции XXI века.

Конституция Беларуси, например, провозглашает принцип о социальном государстве, политика которого направлена на создание условий для свободного и достойного развития личности, достойного уровня жизни (ст. ст. 1, 2, 21 Конституции Республики Беларусь). Поэтому все принимаемые в государстве нормативные правовые акты должны быть направлены на воплощение в жизнь данного принципа. Это предполагает постоянное совершенствование законодательства в Республике Беларусь, где Конституция – фундамент его развития.

Понимаемая таким образом социальная функция Основного Закона будет «перекрываться» иными функциями, например – правоохранительной. Стоит помнить о том, что государство обеспечивает безопасное и достойное существование всех тех членов общества, которые ведут соответствующий правопорядку образ жизни. Закон прежде всего стоит на стороне добропорядочного и добросовестного гражданина.

Уточним вот что. Если говорить о функции конституции в контексте проблемы развития социального государства, такое «наполнение» функции подразумевает ее трактовку не в широком, а в узком, специальном смысле слова (когда речь идет о пенсионных и семейных отношениях, медицинском и бытовом обслуживании, системе льгот и организации досуга). Учитывая тот факт, что социальная сфера постоянно расширяется, растет ее значение и увеличивается объем правового регулирования, согласимся с мнением Т. Н. Радько, о том, что «при делении социальных функций права в соответствии с основными сферами общества на экономическую, политическую и идеологическую следует помнить о том, что социальная функция права употребляется еще и в узком смысле, то есть как направление правового воздействия на собственно социальную сферу общественной жизни» [3, с. 70].

Такая «дуализация» порождает определенное неудобство, ведь слово «социальный» по своей этимологии и есть «общественный». Тогда можно сказать, что общественная функция конституции отражает существенные, главные черты права в целом, а социальная функция в собственном (узком) смысле заключается в регулировании рассмотренной выше социальной сферы и обеспечении социальных прав субъектов. Но во втором случае ее рассматривают в системе специальных функций основного закона.

Осмысление концепции социального государства вызывает много споров. Например, И. И. Пляхимович полагает, что «для понимания данной характеристики целесообразно сопоставить социальное государство с его противоположностью, в роли которого может выступить либеральное государство» [4, с. 44]. С таким подходом трудно согласиться, поскольку сопоставлять принято однопорядковые величины. Но если основой социальной государственности являются вопросы соразмерного и «справедливого» распределения материальных благ, то главный лозунг либерализма – политическая свобода и личная ответственность индивида. Противопоставлять материальную и идеологическую сущности с научной точки зрения представляется необоснованным. Более того, в целом ряду развитых либеральных демократических государств (Дания, Нидерланды, Швейцария) высочайший экономический уровень позволяет проводить эффективную социальную политику.

Причины разночтений по данному вопросу проистекают, с нашей точки зрения, из внутренне противоречивого лозунга Французской революции «Свобода, равенство, братство!», где свобода и равенство характеризуют политико-правовые ценности, а братство – морально-

этические. Социалистические доктрины внесли окончательную путаницу в вопросе сопоставления социального и либерального, на практике отстраивая патерналистские и тоталитарные модели государственности.

Ввиду того, что конституция закрепляет стратегические цели и задачи развития общества и государства, можно согласиться с мнением В. О. Лучина о том, что основной закон как «высший политико-правовой ориентир [выступает] средством и способом *социальной ориентации*» (курсив наш – А.П.) [5, с. 37]. Следовательно, консолидирующие, интегрирующие и ориентирующие механизмы конституции наиболее полно раскрывают ее коммуникативную составляющую, социальную по своей сущности.

Список использованных источников:

1. Каргин, К. В. Юридические документы / К. В. Каргин; науч. ред. В. А. Толстик. – М.: Юристъ, 2008. – 191 с.
2. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: монография/ отв. ред. В. Е. Чиркин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 656 с.
3. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Изд. 2-е, перераб. и доп. Отв. ред. проф. М. Н. Марченко. Том 2. – М.: ИКД “Зерцало – М”, 2001. – 528 с.
4. Пляхимович, И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь. В 2 т. Т. 1/ И. И. Пляхимович. – Минск: Амалфея, 2015. – 1224 с.
5. Лучин, В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В. О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.

